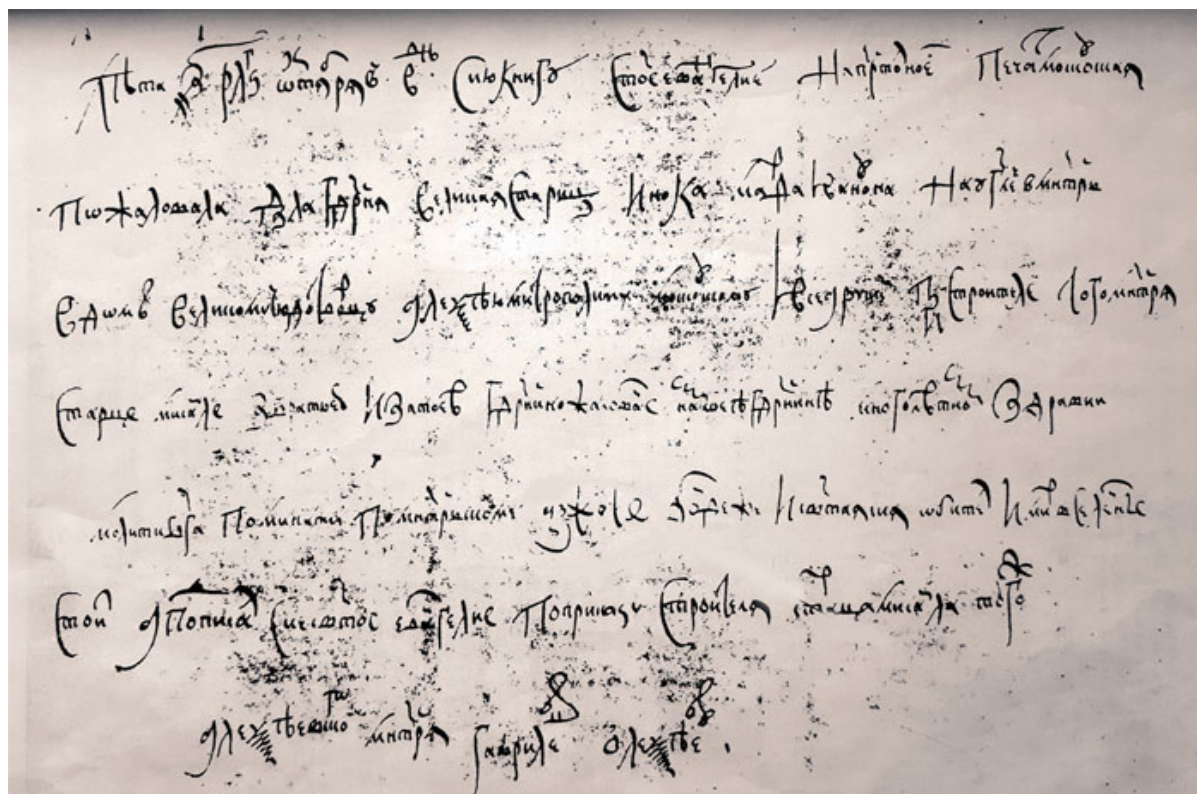

Свой рассказ о находке уникальной древней книги с интереснейшей исторической записью почти четырёхсотлетней давности начну с одного личного воспоминания... Жарким летом далёкого теперь уже 1966 года автор этого очерка, тогда научный сотрудник Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева, был командирован в экспедицию в Угличский и соседние с ним районы Ярославской области. Целью тогдашних музейных экспедиций в разные области России был поиск древних икон, книг и других предметов старины. Это была увлекательная, но очень напряжённая и ответственная работа. Дело в том, что в результате пресловутых «хрущёвских» гонений на церковь в 1950-60-е годы по всей стране было закрыто около десяти тысяч православных храмов. Нередко встречавшиеся в них ценнейшие древние иконы, интересные документы местной истории, уникальные старинные книги и другие реликвии, оставленные на произвол, расхищались, а чаще всего целенаправленно уничтожались. Их срочное спасение и было основной сферой нашей экспедиционной деятельности.

В начале той самой экспедиции мы вместе с одной из сотрудниц Угличского музея выехали на обследование церкви в село Губычево Ростовского района. Тамошняя церковь, недавно закрытая, оказалась ещё не разграбленной. Ключи от неё находились в сельсовете, где нам рассказали, что буквально на днях сюда должна приехать, как выразились наши собеседники, «бригада по ликвидации церковного имущества». Зловещий смысл этого сообщения был мне понятен без лишних объяснений. То были шайки, иначе не назовёшь, состоящие из пьяниц и разных отморожков, официально, по

заданию властей, занимавшихся за большую плату разгромом и уничтожением церковных интерьеров – часть тогдашней политической кампании по «окончательному разрешению религиозного вопроса в стране победившего социализма».

За годы работы в музее я уже успел ознакомиться с результатами этой преступной по отношению к национальной культуре, но узаконенной «деятельности». Специально нанятые бригады громили и сжигали вместе с иконами иконостасы, сдавали в макулатуру старинные книги и церковные облачения, свозили в утильсырьё паникадила, подсвечники, крестильные купели, водосвятные чаши. Богослужебные же сосуды, кресты и другие изделия из драгоценных металлов, в основном серебряные, заранее изымались местными финансовыми органами для последующей переплавки. Их там, вероятно, поворовывали, и на антикварном рынке тех лет время от времени появлялись потиры, звездцы и прочие дорогие предметы церковного обихода. С письменными протестами по этому поводу мы ходили в редакции «Известий», «Советской культуры», «Литературной газеты»... Встречавшие нас журналисты ахали, возмущались, но ни один из наших протестов так никогда и не был опубликован, и это варварство продолжалось годами. Так что и в село Губычево мы, к счастью, успели тогда приехать вовремя...

Сельская церковь хранила в себе немало ценного. Там мы обнаружили чтимую православную святыню – вериги преподобного Иринарха Ростовского, вывезенные сюда когда-то из закрытого в послереволюционные годы Борисоглебского монастыря близ Ростова Великого (в настоящее время возвращены во вновь открывшийся Борисоглебский монастырь), целый ансамбль икон-«праздников» ярославских писем конца XVII века, не древнюю, но высокохудожественную мозаичную икону, насколько

теперь помню, святителя Николая.

При разделе находок большинство из этих вещей было передано в Угличский музей, а для Рублёвского музея я отобрал лишь один, но зато древний и большой, как вскоре оказалось, ценности экспонат – напрестольное Евангелие 1627 года с драгоценной вкладной записью исторического содержания.

Помню, как тем же вечером при тусклом свете гостиничной лампочки со всё возрастающим волнением разбирал написанный затейливой старинной скорописью текст, расположенный по нижнему полю по одному слову через каждые несколько страниц. Собранный фотографом на один лист, он читается теперь следующим образом: *«Лета 7136 (1627) октября в 2 день сию книгу святое евангелие напрестольное, печать московская, пожаловала дала государыня великая старица инока Марфа Ивановна на Углич в монастырь в дом великому чудотворцу Алексею митрополиту Московскому и всей Руси при строителе того монастыря Мисаиле с братьею, и за тое государынино жалованье о ее государынине многолетье и здравии в молитвах поминати по монастырскому уложению, дондеже и настоящая обитель и в монастыре служение//.....// А подписал сие святое евагелие по приказу строителя старца Мисаил а того ж Алексеевского монастыря /человек?/ Гаврилец Алексеев»*.

Не требовалось особой учёности, чтобы догадаться, кем была вкладчица книги монахиня Марфа Ивановна, почтительно именуемая великой старицей и не один раз – государыней. Родная мать первого царя из династии Романовых Михаила – в миру Ксения Ивановна Шестова – прожила трудную жизнь, сначала исполненную гонений, тревог и смертельных опасностей, а затем отмеченную крутым и счастливым поворотом судьбы. Родившаяся в 1560 году, в 1585-ом она вышла замуж за боярина Фёдора Никитича Романова и родила шестерых детей, из которых выжили только двое. Муж её был близким родственником – двоюродным братом царя Фёдора Иоанновича (правил с 1584 по 1598 год) – сына Ивана Грозного от первой жены – Анастасии Романовой. Это обстоятельство и послужит причиной драматических событий в жизни супругов и их маленького сына Михаила, родившегося в 1596 году.

В конце XVI столетия, когда по приказу Бориса Годунова начались опалы на весь род Романовых, Фёдор Никитич, как возможный претендент на царский престол, вместе с женой был насильственно пострижен в монахи с именем Филарет. Ксения Ивановна в иночестве получила имя Марфы. В 1601 году их пятилетний сын Михаил будет сослан в Белоозерский край, а его мать, разлучённую с детьми Михаилом и Татьяной, сошлют в дальнее Заонежье.

С тех пор пути бывших супругов разойдутся. Монаху Филарету суждено будет в скором времени занять высшие посты в церковной иерархии России. В 1608-1610 годах он уже митрополит Ростовский и Ярославский. Но, наречённый в патриархи московские, будет пленён поляками. Из плена он вернётся через девять лет, в 1619 году. Тогда же взойдёт на патриарший престол и вступит в совместное с сыном управление Московским государством с титулами «великого государя» и «святейшего патриарха». Тогда-то он сделает богатые земельные вклады в Алексеевский монастырь. Гораздо более скромной, но не менее драматичной окажется судьба инокини Марфы. Несколько тревожных лет она проведёт вместе с сыном сначала в Москве в 1610-1612 годах, где их удерживали поляки, затем в костромском имении – селе Деулине, где ценой собственной жизни их спасёт местный крестьянин Иван Сусанин от шайки грабивших окрестности «черкесов», по мнению современных исследователей, донских казаков, союзников польских интервентов. Вместе с сыном в Деулине или в самой Костроме в марте 1613 года они получают известие об избрании шестнадцатилетнего Михаила Романова на русское царство.

Пережитые испытания закалят и без того твёрдый характер государыни-инокини. В первые годы правления сына она окажется главной его советчицей во всех государственных делах.

В том самом 1627 году в угличском Алексеевском монастыре закончилось строительство одного из самых удивительных и прекрасных творений древнерусского зодчества – трёхшатровой церкви в честь Успения Божией Матери, которая будет названа современниками Дивной, и название это сохранится до наших дней. Для этого удивительного храма и предназначался книжный вклад героини нашего очерка.

Марфа Ивановна скончалась лето от Рождества Христова 1631, на семьдесят первом году жизни. Два года спустя, в лето 1633, отправится «в путь всея земли» и восьмидесятилетний патриарх Филарет. Тогда и окажется перевёрнутой последняя страница их многотрудной и незаурядной жизни. Память о них сохранится во множестве документов – свидетельствах о событиях русской истории XVII века и, в том числе, в надписи на книге.

Валерий СЕРГЕЕВ

«Угличанин» №3 (558) от 24.01.2018 года

{jcomments on}{loadposition yandex-knopka}